

Савицкая Екатерина Владимировна

СООТНОШЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ, МОДЕЛИРУЮЩЕЙ И КУМУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА

Аннотация: в статье рассматривается соотношение указанных в заглавии функций языка. Высказывается мнение, что коммуникативная функция не является его главнейшей функцией. Отстаивается мысль о том, что передача сообщения – лишь срединная стадия речевой деятельности, осуществляемая в пространстве языка. Показывается, что функция моделирования реальности не менее важна, чем коммуникативная. На материале английского лексико-фразеологического поля «Законный брак» демонстрируются закономерности выполнения этой функции.

Ключевые слова: коммуникативная функция языка, моделирующая функция языка, кумулятивная функция языка, модель, аналогия, пространство языка.

Abstract: the author discusses the correlation between functions of natural language mentioned in the title, puts forward the opinion that the communicative function is not prevailing in the functional spectre of language, defends the idea that message transmission is only the middle stage of speech activity carried out in language space, shows that the modelling function is no less important than the communicative function. On the material of the English lexical field «Marriage» the regularities in performing the function are demonstrated.

Keywords: communicative function of language, modelling function of language, cumulative function of language, model, analogy, language space.

В советские годы, когда диалектический и исторический материализм был философской базой всей науки в нашей стране, отечественная лингвистика равнялась на ленинскую формулировку «Язык есть важнейшее средство человеческого общения». Она считалась основополагающей дефиницией языка и в немалой степени определяла главное направление лингвистической мысли в СССР. В спектре функций языка главная роль отводилась коммуникативной

функции. Под влиянием данной методологической установки язык изучался отечественными лингвистами в первую очередь как орудие общения.

В частности, С.Г. Тер-Минасова, процитировав ряд определений языка, в которых коммуникативная функция поставлена во главу угла, заключила: «Итак, все определения... сходятся в главном: язык – это средство общения, средство выражения мыслей. Разумеется, у него есть и другие функции, но эти две – самые основные. Язык служит коммуникации, это самый главный, самый эксплицитный, самый официальный и социально признанный из всех видов коммуникативного поведения» [10, с. 11].

Это утверждение требует комментария. *Выражать* в наше время означает «обнаруживать, показывать каким-нибудь внешним проявлением» [14], тогда как этимологически – «выталкивать наружу» [16]. Сходным значением обладает английский глагол *to express*, означающий «*to convey (a thought or feeling) in words or by gestures and conduct*» (передавать мысль или чувство словами, жестами, поведением) [17] и восходящий к средневековой латыни: *expressare* букв. «выжимать наружу» [19]. Что касается лингвистической стороны вопроса, глагол *выражать* в точном смысле значит объективировать, эксплицировать сложившееся в голове продуцента речи высказывание внешними (звуковыми / графическими) средствами, чтобы оно стало доступно восприятию реципиента. Реципиент, в свою очередь, субъективирует (аудиирует или читает) полученное высказывание. Из этих двух стадий, как известно, состоит элементарный акт речевого общения.

Исходя из этого толкования значения слова *выражать*, мы полагаем, что выражение мыслей и словесное общение – *не* две отдельных функции языка; выражение (объективация) мыслей входит в коммуникативную функцию как ее часть. Это подтверждается синонимами слова *выражать*, приводимыми в словарях русского языка: *передавать словами, высказывать, представлять устно или письменно, внешне обнаруживать*.

Возвращаясь к вышеприведенной ленинской формулировке, отметим, что она, как правило, цитируется в отрыве от исходного контекста. Обратившись к

нему, можно убедиться, что В.И. Ленин *не* предназначал эту формулировку в качестве дефиниции языка: «... для полной победы товарного производства необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке... Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка... есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого... торгового оборота» [5, с. 258–259]. В этом контексте автор указал на наличие единого средства общения как на необходимое условие сплочения людей в нацию. Формулировка «Язык есть важнейшее средство человеческого общения» в упомянутой статье – не дефиниция языка, а лишь указание на ту его функцию, которая была на тот момент важна в контексте обсуждения затронутого социально-политического вопроса. Эта формулировка *не* отвечает требованию, предъявляемому к дефинициям: отражать все существенные признаки определяемого объекта. Трудно дать исчерпывающую дефиницию очень сложным объектам, т. к. они обладают огромным набором существенных признаков, и границы этого набора не всегда четко установимы. В таких случаях «единственной реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция» [13, с. 289].

Сказанное относится, в частности, к такому объекту, как естественный язык. Выполнение коммуникативной функции – это, конечно, существенный признак языка, но не единственный и, возможно, не доминирующий. Ведь субъект в своих мыслях сначала моделирует действительность, формируя и формулируя эти мысли посредством языка, затем передает их другому субъекту в языковой форме, а тот воспринимает и осмысливает полученные сведения, производя изменения в своем когнитивном мире, и всё это тоже посредством языка. Таким образом, передача мыслей (общение) – это только срединная стадия речевой деятельности, протекающей в координатах пространства языка.

«Нет ничего более естественного, как представлять себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи», – отметил Ю.С. Степанов [9, с. 3]. Сходную мысль высказала Е.С. Кубрякова: «Описание... языковой системы как особого пространства отвечает новым

представлениям о сути языка и эффективных методах его анализа» [4, с. 13]. Проводимая в последние десятилетия активная разработка понятия «пространство языка» подводит к мысли о том, что язык с определенных позиций целесообразно рассматривать не как средство, а как семиотическое пространство, в котором протекают такие процессы, как формирование и формулирование мысли, моделирование и осмысление действительности, накопление знаний о мире и др., в том числе верbalная коммуникация.

В концепции Тартуско-московской семиотической школы *функция моделирования действительности* признается не менее важной, чем функция обеспечения общения. По Ю.М. Лотману, «язык – не только коммуникативная, но и моделирующая система; вернее, обе эти функции неразрывно связаны» [7, с. 21]. Всякая моделирующая система является коммуникативной системой и наоборот. В терминах данной научной школы естественный язык называется первичной моделирующей системой – в том смысле, что ментальность людей опирается прежде всего на естественный язык, а все остальные моделирующие системы ориентированы на него и построены по его образцу.

В нашей работе рассматривается ряд закономерностей моделирования действительности средствами естественного (английского) языка. В этой связи представляется необходимым уточнить понятия «моделирование» и «модель» применительно к естественному языку.

Моделирование как способ познания и осмысления действительности используется в разных областях материального и духовного производства – в технике, науке, искусстве, мифологии, философии, практическом мышлении и др. – и в каждой из них характеризуется своими особенностями. В связи с темой нашего исследования нас интересует, как моделирование реальности, осуществляемое коллективным интеллектом народа, отражено в обыденном языке. Результаты постижения закономерностей бытия, осуществлявшегося народом на протяжении веков, зафиксированы в этническом языке в виде исторических напластований, которые ныне существуют в нем совместно.

Обратимся для примера к английским словам sunrise, sunup, ascent of the sun «восход Солнца», Orient «Восток» (< лат. oriens «встающий»), sundown, sunset, sunfall, descent / decline of the Sun «закат», west «запад» (< индоевр. *we- «спускаться», *avah «вниз» [18]), Occident «запад» (< лат. occidens «падающий»). В их внутренней форме отражено древнее космологическое представление, по которому Солнце ежесуточно совершает оборот вокруг Земли в вертикальной плоскости. В противовес этому представлению, во внутренней форме более поздних названий the Earth perihelion «перигелий Земли» (< греч. peri- «вокруг», helios «Солнце»), the orbit of the Earth «орбита Земли» (< лат. orbita «круговой путь»), the Earth's annual revolution «годичный оборот Земли» и т. п. содержится мысль о том, что, наоборот, Земля вращается вокруг Солнца.

Выражения the terrestrial circle «круг земной», the Land's End «край земли» заключают в себе древнее представление о Земле как о плоском круге, а более новые наименования the Globe «Земной шар», the terrestrial sphere «Земная сфера» содержат мысль о шарообразности Земли. Как видим, ныне в семантике английского языка сосуществуют альтернативные космологические модели, возникавшие в разные культурно-исторические эпохи.

Свет отдаленных звезд достигает Земли в течение очень долгого времени. Наблюдая ночное небо и измеряя расстояния до звезд, астрономы наблюдают одновременно разные эпохи эволюции Вселенной.

Аналогично, лингвисты, вскрывая исторические напластования языковой семантики, обнаруживают реликты существовавших в различные культурные эпохи концепций мироустройства и прослеживают эволюцию картины мира.

Как упоминалось выше, понимание моделирования несколько отличается в разных сферах деятельности. Но существует инвариант: под моделированием в общем случае имеется в виду создание квази-объекта (модели), состоящего в отношении аналогии с объектом анализа (оригиналом), в целях выяснения сущности оригинала.

Аналогия – одно из фундаментальных понятий теории моделирования; она определяется как «сходство отношений между двумя предметами, то есть...

сходство, основанное не на отдельных свойствах или частях этих предметов, а на взаимном отношении между свойствами или частями» (Г. Геффдинг; цит. по: [12, с. 138]). Аналогия существует в виде изоморфизма и гомоморфизма. Изоморфизм – взаимно-однозначное, а гомоморфизм – примерное соответствие структурных элементов оригинала и модели.

Изоморфное соотношение – предельный случай гомоморфного. Понятие «аналогия» особенно значимо в тех случаях, когда оригинал и модель имеют разную онтологическую природу – например, участок внеязыковой реальности и его языковой образ. «Некоторую систему S^1 считают моделью объекта S^2 , если S^2 можно гомоморфно отобразить на S^1 , причем модель считается тем более адекватной, чем ближе гомоморфное соответствие к изоморфному» (К. Берка, П. Новак; цит. по: [12, с. 24]).

Модели делятся на материальные и идеальные. Идеальная модель – это ментальное построение, которое отражает ряд существенных черт оригинала в соответствии с тем, как познающий субъект понимает функционирование и устройство оригинала. По Г. Гегелю [3], идеальная модель есть «субъективное бытие» вещи в виде ментального образа, который располагается в ином месте, нежели сама вещь (в когнитивном мире субъекта) и в иной субстанции (в субстанции мозга), но примерно в той же форме, что и исходная вещь.

Модель не полностью отражает оригинал, и это не результат недоработки познающего субъекта, а принципиальное свойство модели. Познающий субъект отвлекается от сторон оригинала, которые не релевантны в свете поставленной исследовательской задачи, и тем самым высвечивает интересующие его грани оригинала. Лишние детали только затемнили бы существо дела. «Когда модель становится слишком точной, она теряет свой смысл, перестает быть моделью» [12, с. 26]. Например, изображая человеческое тело, скульптор принципиально отказывается от раскраски статуи, потому что расцветка и прочие свойства оригинала только отвлекали бы от того единственного, что стремится передать творец – *форму*, очертания оригинала и ничего более. Если бы статуя была раскрашена или наряжена в одежду из ткани, это была бы не художественная

модель, а макет. Абстрагирование от всего, что не значимо под углом зрения поставленной задачи, называется принципом минимализма. Он является одним из основных принципов моделирования.

Моделирование – не «простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт» [6, с. 330], а путь «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике» [6, с. 152–153]. Отражение реальности в модели – не самоцель; оно всегда осуществляется в соответствии с потребностями человеческой практики. Моделирование имеет прагматический аспект. Модель представляет оригинал под тем или иным, интересующим субъекта углом зрения.

В порядке иллюстрации обратимся к лексико-фразеологическому полю «Marriage» (законный брак) в английском языке и по словарям [14; 18; 19] выясним происхождение входящих в него слов:

affiance «помолвка» < позднелат. affidare «клясться в верности»

betroth «обручать» < среднеангл. betreuthen «подтверждать»

fiancé(e) «жених / невеста» < старофранц. fiancer «договариваться»

(ср. рус. *помолвленный от молвить*)

pledge / plight «обручаться/ обручение» < древнеангл. plightan «давать обет»

spouse «супруг(а)» < лат. sponsus «обещанный» (ср. рус. *суженый*)

wed «вступать в брак» < древнеангл. weddian «обещать, гарантировать»

wedlock «женитьба» < древнеангл. wed + агентивный суффикс -lāc «клятва»

take one's vows «вступить в брак» (vow «клятва, обет»)

Здесь прослеживается идея *договора*, обязательства, гарантии. Тем самым подчеркивается одно из важнейших свойств законного брака – его социально-нормативный характер в противовес свободным отношениям полов.

Англ. conjugality «супружество» восходит к лат. conjugere «сопрягать», т.е. запрягать парой, а также «сочетать» (ср. рус. *сочетать браком*); это слово производно от лат. jugum «ярмо» < индоевр. *jug- «хомут». Здесь подчеркнута идея *совместного выполнения семейных обязанностей* мужем и женой. Эта же идея содержится в английском устойчивом словосочетании to run in double (букв. «бежать в одной упряжке», перен. «вести супружескую жизнь»).

Брак представлен как *неволя* в шутливых английских оборотах to get roped / harnessed / chained, to put one's head into the noose «быть запряженным, закованным, сунуть голову в петлю», to get a ball and chain «быть прикованным к ядру» (имеется в виду пушечное ядро, которое в старину приковывали цепью к ноге каторжника, чтобы он не мог совершить побег; здесь брак изображается как каторга), to enlist «быть рекрутированным» (брак уподобляется воинской повинности), to get a ring in one's nose «получить кольцо в нос» (аллюзия к образу быка), to tie oneself up for life «связать себя на всю жизнь», to be shackled «быть захомутанным».

Брак иронически изображается как *ловушка* для мужчины в устойчивых словосочетаниях, означающих «жениться»: to get hitched / lassoed / grabbed / caught / hooked / trapped, to fall for the bait, to get on the hook «попасться на крючок / в ловушку / в капкан / в петлю».

Вступление в брак как ответственный, решительный и даже *роковой шаг* в жизни человека отражено в устойчивых речениях to take the plunge / the dive, to take a fatal / big step, to take the jump / a big leap «совершить погружение, сделать роковой шаг, совершить большой прыжок».

Глагол marry «жениться» восходит к лат. maritus «муж» (букв. «владеющий женщиной», индоевр. *mari – «молодая женщина»), выражая патриархальную идею *господства мужа над женой*. Ср. шутливые обороты, имеющие значение «жениться»; в них подчеркнута эксплуатация женщины в браке: to get oneself a cook / a laundress / a housemaid «заполучить себе кухарку / прачку / служанку». Но имеется и такой шутливый оборот, который передает противоположную идею: «женииться» – to get oneself a boss «заполучить себе начальницу».

Англ. matrimony «брак» восходит к лат. matrimonium «материнство» (matri- «матери» + -monium – формант действия). Здесь подчеркнута мысль о том, что предназначение брака – *рождение и взращивание детей*.

Супруги должны *подходить друг другу* по социальным и личным параметрам. Это отражено в ряде английских языковых форм:

глагол to match означает «подбирать / подгонять / подходить» и «сватать / женить / выдавать замуж; сочетаться браком»;

существительное match означает «соответствие, ровня, подобранная пара» и «брак; супружеская чета»;

устойчивый оборот to make a match означает «образовать пару подходящих друг другу предметов» и «вступить в брак»;

устойчивый оборот to be a good match (for smb.) означает «подходить, годиться (для кого-л.)» и «составить хорошую партию (для кого-л.)»;

существительные pair и couple означают «пара предметов, составляющих комплект» и «супружеская пара» (wedded / conjugal pair; married couple).

Вступление в законный брак обозначается также рядом английских фразеологизмов, каждый из которых высвечивает и подчеркивает один из многих аспектов обретения нового гражданского состояния:

<i>английские фразеологизмы</i>	<i>подчеркиваемые аспекты брака</i>
to come to a quiet harbor «заплыть в тихую гавань»	обретение покоя, стабильности утрата холостяцкой свободы
to tie the knot «связать себя узами»	отказ от разгульного образа жизни
to settle down «остепениться»	создание / построение семьи
to build a nest «построить гнездо»	сближение / единение супругов
to take smb. to one's bosom «заключить в объятия»	сакральность брачного союза
to take smb. to the altar «повести к алтарю»	ритуальный характер мероприятия
to go down the aisle together «вместе пойти по проходу»	добровольность брака
to say <i>I do</i> «сказать да»	

Этот ряд даже трудно назвать синонимическим – настолько разные идеи заключены в этих фразеологизмах. Семантический инвариант этого ряда – сема

«вступить в брак», но ею не исчерпываются их значения; помимо нее, каждое фразеологическое значение включает ту или иную сему, которая является не дополнительной, а существенной, придающей данному фразеологическому значению его качественную определенность. Так, «обрести покой» – это *не* то же, что «утратить свободу»; «совершить священное таинство» – *не* то же, что «прекратить разгульную жизнь», и т. д.

Это соотношение значений не согласуется с понятием синонимии, которая трактуется как общность интенсионала (набора понятиеобразующих сем) при возможных расхождениях в импликационале (наборе второстепенных сем) [8] или совпадение по основному значению при сохранении различий в оттенках и стилистической окраске языковых единиц и конструкций [1]. Приведенные выше фразеологизмы объединены скорее в тематическую группу, чем в ряд синонимов. В целом данная группа моделирует денотат (вступление в брак) в единстве его аспектов.

Суперпозиция (взаимное наложение) всех приведенных моделей в итоге дает объемное, многостороннее представление о сущности брака, содержащее комплекс важнейших признаков данного общественного института.

Суммируя всё сказанное, реконструируем образ брака по данным, которые зафиксированы в английском обыденном языке. Исходя из этих данных, можно прийти к заключению о том, что брак представляет собой такое гражданское состояние, которому свойственны следующие существенные признаки:

- добровольный, договорной, социально-нормативный характер;
- морально одобряемый, сакральный характер;
- тесная социальная и межличностная связь супругов;
- создание и строительство семьи, родительство;
- взаимное соответствие супругов по социальным и личностным параметрам;
- единение супругов в выполнении семейных обязанностей;
- покой и стабильность, разумеренный образ жизни в браке;
- ответственность, ограничение свободы индивидуальных прихотей;
- доминирование одного из супругов (чаще – мужа).

Таков, по традиционным представлениям англосаксов, законный брак (по крайней мере, в норме). Все эти представления почерпнуты не из текстов, а из системы английского языка. Какими бы ни были новые представления о браке, английский язык в онтогенезе речи закладывает в сознание (и подсознание) его носителей именно эту модель института брака и задает паттерны брачного поведения. Это иллюстрация тезиса, согласно которому естественный язык представляет собой моделирующую систему. Суждения о браке, которые очень много раз повторялись в речи членов культурно-языкового коллектива, в конце концов выкристаллизовались и закрепились в системе языка. Так синтагма речи сгущается, образуя парадигму языка, содержащую этническую модель мира.

Обратимся далее к вопросу о функции языка, которая тесно связана с моделирующей, – к его кумулятивной функции (от лат. *cumulare* «собирать, накапливать»). Под нею понимается «фиксация и сохранение в единицах языка информации о постигнутой человеком действительности» [2, с. 7]. При этом, как правило, подчеркивается, что «язык в этой функции выступает связующим звеном между поколениями, хранилищем и средством передачи внеязыкового коллективного опыта» [11, с. 108].

При обсуждении этого вопроса порой возникают недоразумения. Следует выяснить, какими способами результаты постижения мира сохраняются и передаются с помощью этнического языка из поколения в поколение.

Приведем еще одно определение этой функции: «накопление и сохранение информации в словарном составе языка и текстах» [1, с. 124]. Но необходимо учитывать, что тексты – это произведения речи, а не единицы языка; поэтому, на наш взгляд, накопление и сохранение информации в текстах – это всё же кумулятивная функция речи, а не языка. В связи с темой нашего исследования нас интересует в первую очередь накопление и сохранение информации в системе английского языка.

В научных трудах упоминание этой функции порой носит декларативный характер, без указания на то, как кумулятивная функция выполняется языковой системой. Перечислим способы ее выполнения средствами английского языка.

Во-первых, эта функция прямо реализуется в английских пословицах. В них зафиксирован жизненный опыт народа, передаваемый в поколениях. Так, в английской пословице Hoist sail while the wind is fair (букв. «Ставь парус, пока ветер попутный») содержится житейский совет использовать благоприятные обстоятельства, пока они еще налицо. Он выражен с помощью национально-специфичного образа: англичане – нация мореходов. Такого рода предписания и советы входят в копилку народного опыта и служат носителям английской лингвокультуры «путеводной нитью» по жизни.

Во-вторых, отношение к жизненным явлениям опосредованно выражено в английских фразеологизмах. Так, проанализировав ситуацию, содержащуюся в семантике фразеологизма set the cat to watch the goldfish bowl (букв. «поручить коту стеречь аквариум»), и спрогнозировав ее вероятный исход, реципиент самостоятельно приходит к выводу: опрометчиво было бы доверять ценность ее потенциальному потребителю, к тому же еще и вороватому по натуре. Данный фразеологизм тоже хранит и транслирует народную мудрость, хотя совет в нем не выражен прямо, а лишь подразумевается.

В-третьих, семантические единицы, выработанные языковым коллективом в эволюции этнокультуры и названные лексическими понятиями, закреплены в значениях английских слов и усваиваются новыми поколениями его носителей в онтогенезе речи вместе с оценками денотатов.

Например, носители английского языка с младых ногтей усваивают слова jealous «ревнивый» и jealousy «ревность» в единстве их сигнификативного и коннотативного аспектов значений, осмысливают и интериоризуют означаемое этими словами культурное явление и в дальнейшем относятся к ревности так, как предписывает английская культура через английский язык – в отличие от представителей тех народов, в культурах которых отсутствует ревность, а в языках – ее словесное обозначение (например, тибетская группа народов мосо).

Человек как продукт социокультуры в онтогенезе усваивает то ценностное отношение к явлениям окружающего мира, которое предписывается обществом. В частности, он испытывает ревность, только если в его социокультуре есть

ревность. Личность запрограммирована обществом и культурой, в том числе в ее эмоциональных проявлениях; в качестве средства программирования (кода) выступает этнический язык.

В-четвертых, сущность денотата может отражаться во внутренней форме английских языковых единиц, и понимание этой сущности тоже передается следующим поколениям. Так, во внутренней форме слова self-consciousness «застенчивость» (букв. «осознание себя») отражено коллективное житейское представление о застенчивости как результате излишней саморефлексии.

В ряде случаев внутренняя форма английских языковых единиц выполняет кумулятивную функцию на гиперлексическом уровне – на уровне полей. Так, поле «Суточный цикл» в английском языке служит комплексной внутренней формой для тематической области «Жизненный цикл человека»:

the (sweet) morn of life «младенчество»

the dawn of life «детство»

the pre-noon of smb.'s life «молодость»

high noon «пик / расцвет жизни»

the midday of life «середина жизни»

the afternoon of life «зрелые годы»

the dusk of life «пожилой возраст»

the evening of life «старость»

on the eve of the eternal night «на пороге смерти»

Функцию обозначения возрастных периодов жизни человека выполняет и внутренняя форма английского семантического поля «Цикл времён года»:

the spring of life «юность»

springal «юнец»

maid in her spring «девушка в расцвете»

the summertide of life / age «пик жизни»

no spring chicken «не первой молодости»

in the autumn of smb.'s life «на склоне лет»

smb.'s autumnal years «пожилой возраст»

the winter of life «старость»

Как видим, три области бытия – «Суточный / годовой / жизненный цикл» – гомоморфны; это позволяет первым двум быть моделями третьей. Но и третья область моделирует две другие. День и год уподобляются жизни человека:

At the crack of dawn // A new day is born (M. Krishnan. A New Day Is Born)

(букв. «Чуть забрезжит рассвет, нарождается день»)

The golden day is dying // Beyond the purple hill (R. Wood. The Golden Day)

(букв. «День златой умирает // За пурпурным холмом»)

The old year dies, the new is born (F. Marvin. The New Year: a Hymn)

(букв. «Старый год умирает, // И рождается новый»)

Таково, согласно нашим представлениям, соотношение коммуникативной, моделирующей и кумулятивной функций языка.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Синонимия // Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – 407 с.
2. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
3. Гегель Г. Учение о бытии / Г. Гегель. Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. – С. 17–348.
4. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка // Известия Российской академии наук. – Серия литературы и языка. – 1997. – Т.56. – №3. – С. 22–31.
5. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // В.И. Ленин. – Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 25. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1969. – С. 255–320.
6. Ленин В.И. Философские тетради // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 29. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1969. – 782 с.
7. Лотман Ю.М. Искусство как язык // Ю.М. Лотман. Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПБ, 1998. – С. 19–43.

-
8. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
9. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2000. – 146 с.
11. Чистюхин И.Н. Теория драмы. – Орел: Орловский гос. ун-т искусств и культуры, 2014. – 130 с.
12. Штофф В.А. Моделирование и философия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_nauki_tekhniki/shtoff_v_a_modelirovaniye_i_filosofija/30-1-0-2949
13. Энгельс Ф. Анти-Дюриング. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. – М.: Политиздат, 1983. – 483 с.
14. Большой этимологический словарь современного английского языка / М.М. Маковский. – М.: Либроком, 2014. – 528 с.
15. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
16. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – В 4-х т. – Т. 1. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.
17. Collins English Dictionary / P. Hanks (ed.). – London, Glasgow: William Collins Sons and Co. Ltd., 2006. – 946 p.
18. Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. – Amsterdam, London, New York: Elsevier Publishing Co., 2013. – 844 p.
19. Oxford Dictionary of English Etymology / C.T. Onions (ed.). – Oxford: University Press, 1996. – 1024 p.
20. Online Etymology Dictionary of English [Electronic Resource] / D. Harper (ed.). – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/>

Савицкая Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Россия
